

СЛОВЕН

ПЕРВЫЙ КНЯЗЬ НОВГОРОДСКИЙ

Василий СЕДУГИН

Русь изначальная

Василий Седугин

**Словен. Первый
князь Новгородский**

«Яуза»

2013

Седугин В. И.

Словен. Первый князь Новгородский / В. И. Седугин — «Яуза»,
2013 — (Русь изначальная)

Новый исторический боевик от автора бестселлеров «Князь Игорь», «Князь Гостомысл» и «Князь Русс». Продолжение грандиозной эпопеи о легендарной предыстории Руси, о грозной и кровавой эпохе становления славянской цивилизации, о великих вождях, правивших задолго до Рюрика. Первый роман об основателе Новгорода князе Словене, чей род властвовал над Северной Русью многие столетия. Он продолжил славную миссию князя Русса, расширив славянские земли до Полуночных морей и проложив путь к несметным богатствам Гипербореи. Он закалил племя словен в горниле сражений и лютой северной стуже. Он воздвиг на краю света Новый город, которому суждено стать первой столицей Руси и Отцом городов Русских!

© Седугин В. И., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

РУССИНИЯ	5
I	5
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Седугин

Словен, первый князь

Новгородский. Отец городов Русских

Александр Петрович Петрову, однополчанину.

РУССИНИЯ

*Даже в позднее время, в XII веке, страна поморских прибалтийских славян называлась «Руссиния (Рутения)». Об этом сообщает житие Оттона Бамбергского, первокрестителя поморских славян.
С. Лесной. Откуда ты, Русь?*

I

Великий князь Руссинии Велемудр созывал племенные дружины для похода против саксов. Гонец, примчавшийся поздним вечером в Новый Град, сообщил князю Словену, что на границе саксы захватили Священную рошу, которая издавна принадлежала славянам, но германское племя почему-то считало ее своим владением.

Переговоры ничего не дали, надо было применять силу.

Дружина вышла в поход уже через два дня. При подходе к Рерику, столице Руссинии, князь Словен передал командование воеводе Сбигневу, а сам отправился в имение Галкино. Там жил Довбуш, с которым у князя была давняя дружба.

Странная и необычная судьба была у этого человека. В три года он потерял своего отца, великого князя Руссинии Войцеха, потом умерла мать. Временным правителем (регентом) был поставлен Велемудр, дядя Довбуша. С самого начала он, неожиданно для всех, повел дела разумно, расчетливо и успешно. До него руссинские купцы в торговле пользовались римскими, франкскими и другими монетами иностранного происхождения. Это в сильной степени стесняло и ограничивало торговлю. Велемудр стал чеканить отечественные золотые и серебряные денежные знаки, и с ними руссинские купцы быстро завоевали достойное место сначала в балтийской, а потом и в европейской торговле. В казну потекли сборы от возросшего оборота товаров, на эти средства великий князь перевооружил дружину, пополнил запасы оружия и снаряжения для народного ополчения, построил несколько пограничных крепостей.

Опорой великого князя были бояре. Они поставляли воинские отряды, водили в поход войска, управляли на местах. Им нужны были рабочие руки, и Велемудр издал ряд указов, которые прикрепляли крестьян к боярским хозяйствам; их состояние стало быстро расти, а вместе с ними богатела и страна.

Велемудр неуклонно укреплял великокняжескую власть. При нем вече, эта народная вольность, почти не собиралось, а если и созывал он его, то проводил свою линию, пресекая любые попытки различных говорунов взять верх над толпой; управлять толпой он предпочитал сам.

Балтийские славяне в VII веке

В нескольких военных походах правитель Руссии сумел одержать ряд побед над соседями, и они теперь сидели тихо; лишь самые безответственные из них порой вступали в спор, но и тех Велемудр быстро усмирал.

Подданные обожали своего правителя. Но рядом подрастал Довбуш. Согласно законам, установленным еще Руссом, совершеннолетними считались юноши, достигшие пятнадцати лет, а с двадцати они имели право распоряжаться своим имуществом, участвовать во всех государственных делах наравне со взрослыми людьми.

Все с тревогой ждали, как поступит великий князь. О Довбуше ходили самые различные слухи.

Одни говорили, что он ветреный и непостоянный человек, другие, наоборот, хвалили его смелые речи и неожиданные поступки, но все сходилось на том, что лучше было бы для страны, если на троне остался бы Велемудр. Об этом ему говорили и намеками, и открыто. Он слушал, молчал, и никто не знал, как он поступит. Но однажды князь решился. Когда Довбушу исполнилось пятнадцать лет, дядей ему было подарено загородное имение Галкино, что в сутках езды от Рерика, там были построены терем, просторные жилища для сотни дружинников. Трудно было сказать, кем они состояли при юноше: то ли это был личный отряд телохранителей, то ли соглядатаи великого князя, следившие за каждым шагом княжича. Окружение покинуло Довбуша, лишь немногие решались продолжать отношения с ним; среди этих немногих был и Словен.

Галкино было окружено деревянной крепостной стеной с пятью башнями. У ворот Въездной башни Словена остановили часовые:

– Стой! Кто таков, к кому направляешься?

– Дубыня, ты что – не видишь? – выступил вперед пожилой воин. – Это же князь племени словен. Приветствую тебя, князь! – обратился он к Словену. – Давненько ты не был в наших краях. Добрая ли была дорога?

– Здравствуй, Дорож, – ответил Словен, приветливо улыбаясь. – Не забыл меня за эти годы?

– Как можно, князь! А вот удивительно, что ты меня помнишь!

– Ты как стоял на часах три года назад, так и стоишь. Или сменить некому?

– Подросли сыновья, воинами служат в дружине великого князя. Только сам не хочу уходить, скучно сидеть дома. А тут вроде бы все при деле. Ты к князю нашему?

– К кому же еще!

– Оно понятно.

И – молодому воину:

– Беги, предупреди князя и княгиню, что едет к ним в гости князь Словен!

Воин опрометью кинулся в глубь поселка.

– Дружинники у тебя, князь, одеты во все новое снаряжение, – шуря хитроватые глаза, проговорил Дорож. – Видно, справно стало жить племя?

– Да, богатеем понемногу, – почему-то сразу поскущнел Словен.

– Милости просим дорогих гостей, – поклонился Дорож. – Желаю вам веселого времяпровождения!

Словен с десятком дружинников миновал ворота. Поселок был небольшой. Вразнобой стояли дома жителей, между ними, причудливо извиваясь, петляла узкая дорога. Она была замощенной жердями и тонкими деревьями. Справа ровными рядами стояли жилища дружинников Довбуша, обычные дома, с маленькими окошечками, но только длинные и без подсобных пристроек; рядом с ними располагалась конюшня. Над всеми этими строениями возвышался двухъярусный княжеский терем; к нему и направил своего коня Словен.

Не успел он к нему подъехать, как двери дворца распахнулись, и в них показался Довбуш. Увидев Словена, он быстрым шагом, почти бегом, направился ему навстречу. Словен соскочил с коня и, раскрыв руки для объятий, поспешил к нему.

– Рад твоему приезду, – растроганно бормотал Довбуш, обнимая Словена. – Столько лет у меня не был...

– И на этот раз еле вырвался, – оправдывался тот. – Быть князем племени не так просто...

Придерживая друг друга за спины и перебрасываясь привычными в таких случаях вопросами о здоровье, о семьях, направились они во дворец. Были они очень непохожи друг на друга. Словен был высоким, широкоплечим, с длинными тяжелыми руками, а Довбуш небольшим, худощавым, со стройной фигуркой. Лицо у Словена было продолговатым, нос с горбинкой, глаза глубоко посаженные, темно-синие, а у Довбуша голова кругленькая, нос курносый, глаза светло-синие, немного навывкате. Словену было двадцать два, а Довбушу шел уже тридцать третий год.

Довбуш провел Словена в гостиную, они сели в кресла, оживленно переговариваясь. Суежились слуги, накрывая на стол. Когда все было готово, вошла княгиня Гудни. «Даже не захотела выйти из дворца для встречи, как это положено, – с досадой подумал Словен, поднимаясь ей навстречу и натягивая на губы приветливую улыбку. – Какая злопамятная, зараза!»

Гудни была второй женой Довбуша. С первой он не прожил и пару лет, как ее подкосила какая-то болезнь. Гудни была сосватана у одного из герцогов германского племени саксов. Сосватал ее Велемудр, руководствуясь своими государственными соображениями. Впрочем, Довбуш, судя по всему, браком был доволен и даже счастлив; жену свою любил и не скрывал этого; жили они дружно. То, что он полюбил Гудни, было неудивительно. Это была рослая, чуть повыше Довбуша, красивая женщина. Красота ее была даже роскошной. Куда бы она ни входила, мужчины невольно замолкали и начинали поедать ее взглядами. Густые рыжие волосы волнами лежали у нее на спине, большие темно-серые глаза смотрели смело и независимо, выдавая волевой характер. Она быстро подчинила себе слабохарактерного Довбуша и не стеснялась командовать им даже в присутствии посторонних людей; он же подчинялся ей не только покорно, но и охотно, что вызывало у Словена досаду на друга. «Ей бы мужчиной родиться и княжить вместо Довбуша», – невольно думал он порой.

Отношения у них не сложились сразу. Она, видно, почувствовала, что Словену не нравилось, как верховодит она в семье, подозревала, что он пытается воздействовать на князя, может, даже настраивает против нее, и невзлюбила его, причем даже не пыталась этого скрывать, а, наоборот, при случае старалась подчеркнуть это, как было сегодня.

С Довбушем Словен никогда разговора о ней не затевал и молча сносил отчужденность и враждебность княгини. И сейчас он, старательно подбирая слова, проговорил:

– Три года мы не виделись, княгиня, и мне хочется отметить, что ты за это время расцвела еще больше.

– Ты, князь, как всегда любезен, – ледяным тоном ответила Гудни. – Но твои слова больше подходят незамужним девушкам, а я уже столько лет семейный человек...

– Некоторые женщины в замужестве расцветают, ты относишься к их числу.

Довбуш, видя, что Гудни вот-вот скажет что-то колкое, вмешался в их разговор:

– Словен привык говорить девушкам похвальные слова, потому что не женат...

– Как? Разве ты, князь, до сих пор не связал себя узами семейной жизни? – нарочито удивленно произнесла Гудни. – Это в твои-то годы?

– Какие мои годы? – пожал плечами Словен. – Моя жизнь только начинается.

– Наверно, не можешь найти вторую половинку? А хочешь, я тебе сыщу подходящую пару? – уязвила она его.

– Спасибо, – сухо ответил Словен. – Я уж как-нибудь сам устрою свою судьбу.

– Кстати, – не унималась Гудни, – к нам скоро в гости придет племянница Велемудра. Чудесная девушка, совсем молоденькая. Вы будете прекрасной парой!

– Приезжает Бажена? Так она еще подросток, чтобы предлагать в жены.

– Была подростком три года назад. Теперь это обаятельная девушка, от которой сходят с ума многие из парней.

– Подожди, – вмешался Довбуш, – но Бажена сосватана за боярина Изяслава.

– И правда. Только я забыла совсем...

– Ладно об этом, – проговорил Довбуш. – Как в столице, что нового? Не намудрил чего-нибудь еще Велемудр?

Словен знал, что это большой вопрос для Довбуша, поэтому был предельно осторожен:

– В Рерике я давно не был, поэтому ничего не могу сказать.

– А разве ты не домой возвращаешься?

– Нет, наоборот. С дружиной направляюсь в стольный град.

– И что случилось? Снова война?

– Похоже. Какой-то саксонский герцог захватил Священную рощу. Великий князь собирает дружины, чтобы вернуть ее.

– Я знаю, кто этот герцог! – Гудни невольно подалась вперед. – Это Одвольф, сосед моих родителей. Мы с ним росли вместе. Он еще не раз признавался мне в любви и даже дважды засылал сватов. Человек крайне невоздержанный и опрометчивый. От него можно всего ждать. Так что я несколько не удивлена, что его войска напали на Руссию.

– Это полнейший бред, – произнес Довбуш. – Я не люблю своего дядю, но все равно скажу, что этого Одвольфа он расколошматит в два счета!

– Кто сомневается? Но вот такой вот мой бывший соседка. Кидается из одного рискованного предприятия в другое. Что с ним поделаешь!

Они еще поговорили на этот счет, а потом Гудни ушла в свои покои.

– Как ты жил эти годы? – спросил Довбуш. – Какие перемены в племени?

– Да ничего особенного, жизнь текла ровно, пока великий князь не позвал в поход.

Довбуша при словах «великий князь» передернуло, словно плеснули на него кипятком.

– Сколько будет этот старикашка занимать мой престол? – с ненавистью проговорил он. – Когда мне исполнилось пятнадцать лет, князь и бояре говорили мне, что мой дядя передаст мне правление государством, что я буду великим князем, властителем огромного и мощного государства. А вместо этого он засунул меня в эту дыру. И никуда не пускает. За каждым моим шагом следят сотня зорких глаз из числа моих дружинников. Он ни в один поход не пригласил, я ни в одной битве не участвовал. А как овладеть полководческим мастерством?

Сидя за столом или мечтая о победах в своей кровати? Как управлять государством, не зная, что происходит в стране и не имея возможности узнать что-то? Я не совсем глуп, все-таки что-то соображаю.

– Тебе надо поехать в столицу и поговорить с Велемудром.

– Попытался, но меня у ворот останавливали дружинники и возвращали назад. Говорили, что таков приказ великого князя.

Довбуш помолчал, вперяясь неподвижным взглядом куда-то в стену, продолжал:

– Я подозреваю, что он замыслил мое убийство. В любой час может подослать убийцу. Или кинжалом поразят, или яду подсыпят. Да мало ли способов убить человека! Каждую ночь, засыпая, я молю богов, чтобы утром проснуться живым и здоровым.

– Но какой смысл ему устранять тебя? Ведь не вечно же он будет жить. Ему уже шестьдесят пять!

– У него трое сыновей да еще куча родственников. Все они жадно глядят на трон. Только мигни, кинутся наперегонки. Свято место пусто не бывает.

– Ничего, потерпи немного. Если до сих пор не случилось ничего, то и в будущем будет нормально. Пройдет какое-то время, и ты станешь править в Руссии.

– Я перестаю верить в это. У меня уже в голове черт-те что, я начинаю бояться самого себя. Тут мы как-то гуляли у сотского, у него сын родился. Вечер поздний, звезды зажглись. И вот подхожу ко дворцу, а из-за угла навстречу мне вывертывается... Знаешь кто?

– Кто? – холодея внутри от жуткого шепота Довбуша, спросил Словен.

– Русс! Основатель Руссии!.. Высокий, раза в два выше меня и завернут в черный плащ, даже лица не видно.

– А как ты узнал, что это Русс?

– Кто-то мне внутри сказал: «Это он, великий Русс!» Я обомлел совсем, стою, как столб. А он мне говорит низким, загробным голосом: «Бедный, несчастный Довбуш! Скоро наступит перемена в твоей судьбе, да мало радости она принесет». Сказал так и растаял передо мной, будто его и не было никогда. Долго я стоял, как молнией пораженный, а когда очнулся, увидел себя лежащим под крепостной стеной. Будто вихрем каким-то занесло туда. Вот такое видение было. А к чему оно и что означает, никак не могу уразуметь.

– Обратись к волхвам. Они тебе растолкуют.

– Уже ходил. Только они такого тумана напустили, что еще непонятней стало. Одно знаю точно: коли судьба мне сесть на престол, все переиначу, все переворошу, переделаю, перекрою, но чтобы стало не как при Велемудре. Всех его приближенных выгоню, всех любимцев вышвырну из столицы, чтобы духом их не пахло! Все будет по-моему, как я укажу, все будет пронизано моим словом и моим велением. Я даже имя Велемудр запрещу произносить!

Большие выпученные глаза Довбуша приобрели оловянный оттенок и казались безжизненными. Словену виделось, что он стал на какое-то время безумным, и ему сделалось не по себе.

– Успокойся, – произнес он, кладя свою ладонь на его. – Ты еще молод, и все впереди. Взойдешь на престол, установишь свои порядки, все будет по-твоему. Главное же в любом правлении – это чтобы народу было хорошо. Ты будешь заботиться о своих подданных, а они ответят тебе взаимной любовью.

До поздней ночи проговорили они, уткнувшись лоб в лоб, пока сон не сморил их, и они ушли спать.

А в обед следующего дня приехала княжна Бажена. Словен видел ее года три-четыре назад при дворе Велемудра. Это был худенький подросток, наивный, непосредственный. Ради забавы он несколько раз беседовал с ней, даже принял участие в какой-то игре. Сейчас из возка спустилась на землю высокая стройная красавица, изящная в своих движениях. «Счастливым этот боярин, который женится на ней, – завистливо подумал Словен, и внезапно им овладело

чувство одиночества от своей холостяцкой жизни. – Не будь она сосватана, предложил бы ей руку и сердце!»

Бажена расцеловалась с Гудни, потом ее в щечку чмокнул Довбуш. Она удивленно проговорила:

– Вы оба уменьшились в росте! Раньше я смотрела на вас, как на взрослых, больших людей. А теперь вы для меня только взрослые, а ростом меньше меня. Мне это очень удивительно!

– Потому что ты выросла за последние годы, голубушка, – ласково проговорила Гудни. – И стала выше нас.

– А я что, тоже укоротился? – с улыбкой спросил Словен.

– Князь Словен! – удивленно протянула она и, прищурившись, стала разглядывать его. – И ты тоже стал меньше ростом. Раньше ты мне казался таким великаном, прямо головой подпирал небо, я даже побаивалась тебя. Удивительно, но вы все так изменились!

– Это ты, Бажена, выросла, мы же какими были, такими и остались, – ласково проговорила Гудни и пригласила ее в терем. – Проходи, для тебя все приготовлено. С дороги поможешься в бане, а потом сядем за стол.

Все внимание в тереме со Словена переключилось на Бажену, и Словену как-то сразу стало скучно и неинтересно. Он удалился в свою горницу, не раздеваясь, лег на кровать, стал глядеть в потолок, усеянный многочисленными сучками. «Вот, – думал он неторопливо, – дожид до того, что окружающие начинают подшучивать и посмеиваться над тем, что до сих пор не женат. Конечно, им наплевать, если я даже останусь холостяком, какое им дело до меня, позубоскалили, да и только! Но все же обидно слышать такие слова то тут, то там... Да и сам я, как увижу счастливую семейную пару, так защежит что-то в груди и вдруг захочется спокойного пристанища, своего гнездышка. Видно, так устроена жизнь: погулял, позабавился, а приходит время, и семьей следует обзаводиться. Не тянет ни на какие посиделки, ни на случайные встречи».

Он вспомнил последние из них. Они были преимущественно с молодыми вдовушками, в которых в беспокойное время недостатка не было.

Впрочем, особенно он не сокрушался и через некоторое время уже спокойно спал. А когда проснулся, то совсем забыл, о чем только что размышлял.

Вскоре Словен был приглашен за стол. Все глядели только на Бажену и старались угодить ей, кто как мог. Даже Гудни оставила свое высокомерие и надменность, лицо ее сияло счастьем от встречи со знатной гостьей, а речь лилась, словно ручеек в лесу:

– Выбирай из блюд, что повкуснее. Вот оленина жареная, вот оленина тушеная с луком и морковью. А вот лещи, копченые на соломе, во рту рассыпаются... Ну и, конечно, пироги подовые и пряженные, с заячьим мясом, рыбой, бараниной, творогом и яйцами... Или вот рубец бараний, начиненный кашей, печенка... А может, сначала попробуешь уху из лососины, или «тройную уху»? Сначала варили мелочь – пескарей, ершей, их выбросили, потом запустили лещей, карасей, судаков... Икорку, икорку бери, мешочная икра, режется ножом, а уж вкусна!..

Суетился и Довбуш, поддакивали и приглашенные с семьями военачальники из дружины – сотский и десятские, хозяева ремесленных мастерских, торговцы. За столом было оживленно и весело.

Бажена держалась сдержанно и скромно, благодарила за угощение, тонкими пальчиками брала кусочки еды, не спеша разглядывала их и отправляла в рот (вилок тогда не было). Поела она немного и, хотя ее усиленно продолжали угощать, учтиво отказалась, взяла в руки кубок с травяным отваром и стала отпивать, часто вытирая пухлые губки полотенчиком.

Явились музыканты из числа дружинников, ударили в барабаны, задули в свирели и трубы, забренчали на гусях. Раздались песни, кое-кто кинулся в пляс.

Воспользовавшись беспорядком и суматохой, когда каждому было до себя, Словен встал со своего места и прошел в дальний конец стола. Там он заприметил одинокую молодую женщину, подсел к ней. Выждав немного, спросил:

– И что не пляшем?

Она кинула на него изучающий взгляд темно-синих глаз, ответила неспеша:

– Не хочется что-то.

– Может, вдвоем будет веселей?

Она прищурилась, вновь взглянула на него, ответила, тая улыбку на кончиках губ:

– Может, и будет.

– И как же звать такую красивую?

– Сияной кличут.

Весь вечер не отходил он от Сияны, а потом отправился к ней в дом и пробыл у нее до самого утра.

Три дня гостила Бажена в Галкино, на четвертый отправилась обратно. Сопровождать ее вызвался Словен, которому пора было быть в Рерике. Короткие сборы, нежные прощания, и красочный возок с охраной и десятком дружинников Словена тронулись в путь.

Дорога проходила через дремучие леса, которые иногда прерывались пашнями и пастбищами, в беспорядке ютились деревянные домишки с маленькими окнами, затянутыми бычьими пузырями или просто закрываемые задвижками. Возле них виднелись амбары, сараи для скота, конюшни и другие постройки, на полях работали крестьяне, между домиков бегали ребятишки.

Как-то выехали на поляну, усеянную цветами. На Словена что-то нашло. Он соскочил с коня и набрал большой букет, потом догнал возок и, перегнувшись в седле, вручил его Бажене.

Она очень удивилась подарку, спросила:

– Это чем же я заслужила внимание князя?

– Красотой и обаянием, – тотчас нашелся он с ответом.

В обед остановились возле небольшой лесной речки. Слуги быстро развели костер, приготовили еду. Бажена и Словен присели за небольшим раскладным столиком, стали перекусывать.

Сначала велся незначащий разговор, а потом Словен спросил:

– Ты с желанием и охотой выходишь замуж?

Она недоумевающе подняла брови, как видно озадаченная вопросом, ответила:

– Не знаю. Дядя сказал, чтобы я вышла замуж за боярина Изяслава, папа с мамой тоже стали настаивать. Говорили, что им очень важно. Ну я и согласилась. И притом, – она неожиданно оживилась, и глаза ее заблестели, – это же так интересно! Будет свадьба, подарки, чествование молодых... Я столько раз бегала смотреть свадьбы и всегда завидовала невестам. Они бывали такие красивые, такие привлекательные! Мне тоже хотелось побывать на их месте. И вот моя мечта сбывается...

– Ты хоть любишь Изяслава?

– Наверно, но я его мало знаю. Так, виделись пару-тройку раз – и все. Иногда кажется, что люблю. Он такой славный – внимательный, предупредительный...

– Тебе следовало бы проверить себя, свои чувства к нему.

– Как проверить? Мне хочется замуж, вот и вся проверка.

– Ну да, ну да, конечно...

Они помолчали, занимаясь едой. Вдруг она спросила:

– А почему ты не женишься, Словен?

Его покорило ее вопрос: и она о том же, сколько можно...

Ответил сухо:

– Не полюбил пока. Как полюблю, женюсь непременно.

– А Сияну ты... полюбил?

Словен думал, что как он подсел к Сияне, как ухаживал за ней, а потом ушел ночевать, никто не видел. Оказывается, не только другие, но и Бажена заметила. Ему стало крайне неприятно, он пробормотал что-то невразумительное, надеясь, что она отстанет от него, но Бажена неожиданно для него не отступила.

– А меня бы мог полюбить? – лукаво прищурившись, спросила она.

Он поперхнулся едой. Откашлялся:

– Скажешь такое.

– Что, я тебе не нравлюсь?

– Нравишься. Только...

– Что – только?

– Молоденькая ты очень.

– Я подрасту.

– Вот и подрастай. Может, тогда полюблю.

Словен встал из-за стола, подумал в крайнем раздражении: «Все-то она видит, все-то ей хочется знать. И как они вырастают и становятся взрослыми так быстро? Кажется, недавно ее видел голенастой девчонкой, а теперь, видишь ли, ей душу наружу выверни, все про себя расскажи!..» А потом стал корить себя: «Зря я начал разговор о замужестве, мало ли о чем еще можно болтать? А впрочем, – он махнул рукой, – ничего особенного не случилось, поговорили и разошлись, никто никому не остался должен».

II

Прибывшим дружинам Велемудр устроил военный смотр. Он проходил на центральной площади города перед великокняжеским дворцом. Великий князь, крепыш среднего роста, лысый, с длинными вислыми усами и острым взглядом из-под мохнатых седых бровей, стоял на ступеньках крыльца, а мимо медленным шагом одна за другой шествовали дружины племенных вождей. Последней проследовала дружина словен, потому что это было самое слабое и самое бедное племя в государстве. Три года назад после такого же смотра Велемудр вызвал к себе Словена и стал отчитывать:

– Все дружины как дружины, а что ты за сброд привел? Кольчуги и панцири только у каждого второго воина, многие из них старые-престарые, их ржавчина поела. А половина вообще одета в стеганки и воловью шкуру. Могут ли твои воины выдержать удар закованных в броню франкских воинов? Их перерубят в одночасье. Ты хоть это понимаешь?

– Понимать-то я понимаю, но что делать? – с горечью ответил Словен. – Это лютичскому и гаволянскому князьям легко вооружить и снарядить тысячную дружину, у них народу в племени у каждого раза в два-три больше, чем у меня. И ремесла, и торговля у них более развиты с давних времен. Просил я тебя уменьшить дружину наполовину, не разрешил. Вот и получилось, что половину я смог одеть как следует, а на вторую половину средств не хватило. Режь меня, стреляй меня, но бессилён я что-либо сделать!

Велемудр подумал, ответил:

– Ладно, дам я тебе средства. Из казны выделю, кое-что из великокняжеских запасов урву. Но чтобы через три года дружина твоя блестела на смотре!

И Словен не подкачал. Воины его были одеты в новенькое снаряжение, кони откормленные, прошла перед великим князем дружина молодцевато, лихо, с удальской песней. Велемудр при всех похвалил Словена.

Через два дня после смотра войско выступило в поход. Словен, как всегда, стал занимать место в походном порядке сзади всех. Но к нему подъехал Велемудр, приказал:

– Встанешь на сей раз впереди. Твоя дружина станет сторожевой.

У Словена даже руки вспотели от волнения. Это была такая честь – идти впереди всего войска! Раньше такое доверяли только лютичской или бодричской дружинам, а теперь вдруг великий князь поручил ему!..

– Будет исполнено, великий князь! – выкрикнул он радостно и, прищпорив коня, помчался к своим воинам.

Тотчас он выделил сотню и выслал вперед, это была «сторожа», или разведка, которая должна была исследовать, свободен ли путь от неприятеля. По бокам он отправил шесть десятков конников, которые должны были рыскать вокруг и при случае сообщать о засадах противника. А уж далее в полной боевой готовности шли его воины, в любой момент готовые принять бой и дать возможность основным силам подготовиться к сражению.

Стояла середина травня (мая), буйно зеленела свежая зелень, в высоком голубом небе заливались жаворонки, в лесах пели соловьи, услаждая своим пением подружек, насиживавших яйца. Настроение у воинов было приподнятое, будто шли не на войну, а совершали прогулку.

День прошел спокойно. К вечеру разведка нашла место для ночной стоянки. Это был широкий луг, посредине которого протекала небольшая речка. Место расположения было окружено обозами, Словен выставил охрану, на большом расстоянии от лагеря спрятал дозоры. Воины стали поить коней, было зажжено множество костров, на которых варили пищу. Спали под открытым небом, потому что было тепло и еще не появились комары и прочий гнус.

В середине следующего дня войско вышло к Священной роще. Воины остановились и затаили дыхание. Перед ними высились, упираясь чуть ли не в самое небо, могучие дубы и грабы, спокойные, молчаливые, полные внутренней силы. Их широкие, развесистые кроны таили в себе что-то загадочное, таинственное, недаром раньше кельты, эти древние обитатели Европы, а потом славяне и германцы населили рощу своими богами и духами и приходили сюда для поклонения.

От войска отделились жрецы, взяли с собой кувшины с сурьей – священным напитком – и мешочки с зернами ржи и ячменя, зажгли факелы и углубились в рощу. Все молча, благоговейно наблюдали за ними. Они знали, что сейчас в нужных местах будут зажжены костры и богам будут принесены жертвы, чтобы они помогли войску в его воинских предприятиях.

Отдав должное богам, войско окольной дорогой обошло Священную рощу и вступило в земли племени саксов. Противника нигде не было, только встречались наспех брошенные селения да второпях оставленный скот.

Однако на следующий день разведка донесла, что на широком поле, развернувшись для боя, поджидает неприятель. При этом известии воины подтянулись, подобрались; из обозов достали снаряжение, одели кольчуги и панцири, взяли щиты.

В полдень увидели войско саксов. Вид их вызвал улыбки и насмешки:

– Э, да они в одни шкуры одеты!

– На главах даже шоломов нет!

– Стоят толпой, порядка никакого!

Велемудр созвал князей, началось короткое совещание.

– Как видно, саксы пришли одни, франки их на этот раз не поддержали, – сказал Брячислав, тридцатилетний князь лютичей, богатырского роста, с красным лицом и налитыми кровью глазами; был он безумно храбр, первым бросался в сражения и бился неистово, не жалея себя.

– Франкским королям не до этого, – промолвил великий князь. – Когда-то могущественное, государство распалось, раздробилось на части, потому что властители его щедрой рукой раздавали пожалования свои дружинникам, служилым людям и церкви. У них почти не осталось земли, а значит, и настоящей власти. Богатые землевладельцы оттеснили их на задний план, захватили управление страной в свои руки. Так что теперь короли остаются только по названию, недаром их прозвали «ленивыми».

Князья внимательно слушали Велемудра, а он продолжал с усмешкой:

– Мне как-то рассказывал заезжий купец, что короли франкские довольствуются одним титулом и, восседая на троне с длинными волосами и отпущенной бородой, представляют собой лишь подобие государя. Они выслушивают отовсюду появляющихся послов и дают им как бы от своего имени ответы, заранее ими заученные и им продиктованные богатыми землевладельцами. А управляют страной майордомы, самые знатные из богатеев. Вот поэтому и нет здесь франкского войска, хотя франки и саксы одного рода-племени – германцы.

– Как же короли могли довести свою страну до такого состояния? – удивленно проговорил Бранибор, князь гаволян, высокий, худощавый, лет пятидесяти; был он обычно спокоен, рассудителен, благоразумен.

– Безответственные правители...

На какое-то время Велемудр замолчал, будто ушел в себя. Потом добавил:

– Не приведи боги, чтобы и на наш престол сели такие...

– Ну что, ударим по дикому племени? – всполошился Брячислав. – Мы своими закованными в броню воинами в два счета разгоним это скопище мужичья!

– Ну, может, и не в два счета, – возразил ему Велемудр. – Саксы – храброе племя, воевать могут, и довольно умело, мы не раз это испытывали на себе. Только оружие у них, надо прямо сказать, не ахти. Да и как может вооружить себя племя? Это под силу только государству.

– Так чего ждать? – вновь заговорил лютичский князь. – Проучим саксов, чтобы они в другой раз не лезли в наши земли!

– И снова кровь. Пролить кровь – дело нехитрое. А добиться своего, не потеряв ни одного воина, – вот это будет настоящей победой!

В это время Бранибор, не отрывавший взгляда от неприятеля, воскликнул удивленно:

– Кажется, к нам направляются посланники для переговоров!

Князя оглянулись. К ним скакали три воина с белым флажком на длинной пике.

– Саксы опередили меня, – сказал Велемудр. – Я собирался сделать то же самое.

Саксы лихо остановили коней. Один из них, державший пикку с флажком, промолвил по-славянски:

– Кто из вас великий князь? Я прибыл к нему от нашего герцога Одвольфа.

– Говори, – произнес Велемудр.

– Великий князь! Герцог Одвольф предлагает тебе вступить в переговоры, чтобы обсудить спорные вопросы.

– Передай герцогу, что я согласен.

Посланники ускакали.

– Для герцога слишком велика честь, чтобы с ним разговаривал великий князь Руссии, – проговорил Велемудр. – На встречу с ним поедет один из вас.

Он внимательно оглядел князей, добавил:

– Я думаю поручить ведение переговоров Словену.

Словен заметил, как при этих словах Брячислава передернуло, а Бранибор отвернулся.

– Значит, так, – говорил великий князь Словену. – Берешь с собой двух воинов в сопровождение. Условие мира только одно: герцог должен вернуть Священную рощу. Если будет упираться, тотчас возвращайся. Пусть герцог почувствует тяжелую руку Руссии.

Увидев, как от саксонского войска отделились три всадника, Словен тронул скакуна и рысью направился им навстречу.

Сдержав коней, противники некоторое время разглядывали друг друга. Словен сразу узнал герцога Одвольфа. У него были растрепанные рыжие волосы, широкий ноздрястый нос и шальные глаза, в них горел бесовский огонек; сам он был в постоянном движении, то дергал за уздцы коня, и тот беспокойно переступал с места на место, то ерзал на седле, то взмахивал зажатой в руке плеткой. Глядя на него, Словен понял, что только такой безрассудный, сумасбродный и взбалмошный человек, имея в подчинении слабовооруженное войско, мог решиться на войну с могущественной Руссией.

– Где великий князь? – выкрикнул он взвинченным голосом. – Почему не явился лично?

– Я князь Словен. Мне великий князь поручил вести переговоры с тобой.

– Ни с кем, кроме Велемудра, говорить не буду!

– Хорошо. Тогда я возвращаюсь, и спор будет решен с помощью оружия, – спокойно ответил Словен и стал завертывать коня обратно.

– Стой! – выкрикнул Одвольф, и конь его закрутился на месте. – Что предлагает великий князь Руссии?

– Только одно: считать Священную рощу составной частью нашей страны.

– У меня другое предложение: мы поделим рощу пополам. Одна половина останется у саксов, вторая отойдет Руссии.

– Не будет на это нашего согласия.

– А на другое не соглашусь я!

– Тогда готовься к битве!

– К битве я всегда готов!

– Вот как! Но сначала посмотри на закованное в броню войско Руссии и одетых в шкуры своих воинов, герцог!

Одвольф на мгновение остановился, его шальной взгляд скользнул по многочисленному войску руссин, которое, блестя на солнце оружием и доспехами, ровным строем развернулось во всю ширину поля, чуть подумал, ответил, пряча глаза:

– Хорошо. Сегодня же прикажу вывести из Священной рощи своих жрецов и воинский отряд. Будь здоров, князь!

– И тебе не болеть, герцог!

Они расстались, уверенные, что никогда больше не встретятся. Однако судьбе надо было так распорядиться, что вновь их дорожки пересекутся в самом неожиданном месте...

Словен вернулся к великому князю, слово в слово пересказал разговор с герцогом.

Велемудр, кривя в злой усмешке жесткие губы, произнес:

– Враги понимают только силу. Даже такой безответственный правитель, как Одвольф, и тот сообразил, что с Руссинией ему нельзя тягаться. Вот, князья, наглядный вам пример: надо крепить силу и мощь Руссинии, тогда никакие соседи нам не будут страшны!

Население Руссинии восторженно встречало своих воинов. Особенно радовались люди, что победа была достигнута бескровным путем, что все воины возвращались из похода живыми и здоровыми. И это случилось благодаря великому князю, его мудрости и прозорливости. И люди кричали:

– Слава Велемудру!

– Слава великому князю!

– Слава Руссинии!

Великий князь решил отметить победу военными состязаниями. Этот обычай возник в незапамятные времена из стремления мужчин показать свою воинскую доблесть, и умение, и мастерство; постепенно военные состязания стали неотъемлемой частью торжеств и увеселений. Для проведения их на берегу возле Рерика были построены различные сооружения, среди них скамейки для зрителей, помост с креслами для знатных людей и деревянный престол для великого князя, над ним был накинут разноцветный балдахин; над балдахином устремлялось вверх древко с полотнищем, на котором был изображен герб племени бодричей и Руссинии – стремительно несущийся сокол; приезжие ставили палатки, шатры; торговцы сооружали ларечки, прилавки; многие горожане и жители окрестных селений являлись целыми семьями с едой и питьем, молодежь водила хороводы, затягивая празднества до глубокой ночи.

Состязания, как правило, были самыми различными. Тут были и борьба, и перетягивание каната, и стрельба из лука, и поражение цели пикой, и срезание мечом лозы на скаку... Но главным считались поединки, которые вели как конные, так и пешие воины. Победителей награждали различными подарками; самым отличившимся вручал их великий князь. Некоторые победители дарили свои награды любимым девушкам и женам.

Словен решил принять участие в соревновании на коне. Но до них было еще далеко, они проводились последними, и в ожидании их он присел на скамейку для зрителей, выбрав место недалеко от престола великого князя. Велемудр сидел рядом с княгиней, стареющей красавицей, возле них разместились члены семьи и родственники, среди них он заметил Бажену. Словен хотел кивком головы поприветствовать ее, но она ни разу не взглянула в его сторону, он оставил свои попытки и тотчас забыл о ней.

Первыми выступали борцы. Одна пара сменялась другой, зрители бурно приветствовали победителей, некоторым из них девушки дарили цветы. Среди силачей выделился рослый, широкоплечий и узкий в поясе богатырь. Он легко укладывал своих соперников и в конечном итоге вышел победителем. «Вот бы мне такого в дружину, – завистливо подумал Словен. – Он наверняка десяток воинов заменил». Видно, что-то подобное подумали и другие князья, потому что на поле выскочил Брячислав и вручил парню свой меч. Не утерпел и великий князь. Он обнял борца и одел на его шею золотую цепочку.

Тут на лужок выбежали скоморохи, стали кувыркаться, подкидывать друг друга, петь шуточные песенки; провели перед зрителями медведя, скоморох надевал ему на голову шапку, а тот сбрасывал ее лапой. Зрители хохотали от души.

Потом состязания продолжили другие воины, между ними выступали другие скоморохи. Время летело быстро и незаметно. Солнце палило вовсю, на краю неба появилась черная туча, погромыхивал гром, но никто этого не замечал, все были увлечены происходившим на лугу.

Наконец наступила очередь Словена. Соперником ему по жребию выпал лютичский князь Брячислав. Силу и воинское умение его Словен хорошо знал, но надеялся, что удача будет к нему благосклонна и верил в свой успех, в свою победу.

Дружинник подвел ему коня, помог сесть в седло, а потом подал длинное копьё. Копьё было деревянным, тупым на конце, чтобы не поранить противника.

Вдали готовился к бою Брячислав. В латах, при плаще он казался еще более внушительным, настоящий богатырь, и в душе Словена шевельнулось сомнение: справится ли он с князем, под силу ли ему будет свалить такого силача? Но он постарался прогнать ненужные мысли и изготовился к поединку.

То же самое сделал и Брячислав. Увидев готовность противника к бою, руководитель поединков взмахнул цветным флажком. Словен ударом пяток послал коня вперед. Брячислав стремительно приближался. Словен решил ударить его чуть ниже щита, в пояс, чтобы выбить из седла, но намеренно держал конец копья высоко, будто собирался ударить в голову. В то же время он видел, что лютичский князь метит ему в грудь, и расположил щит прямо перед собой.

В последний момент Словен успел опустить копьё. Он готовился к удару, но копьё скользнуло по щиту противника и оказалось в пустоте; в то же время в плечо он получил такой мощный толчок, что чуть было не вылетел из седла. Значит, Брячислав сумел разгадать его замысел и защититься, а сам выбрал место для поражения и умело воспользовался промахом его, Словена.

Что ж, надо попытаться самому придумать, как провести опытного воина. Конечно, это трудно сделать, но все же следует попытаться. А что, если по его примеру тоже прицелиться в плечо? Нет, наверно, он предугадает такой замысел...

Но в это время мелькнул флажок, и, так ничего и не решив, Словен рванулся вперед. В последний момент намеревался ткнуть снова в пояс, но опять не получилось; правда и противнику не удалось свалить его; копьё скользнуло по щиту и ушло в сторону.

Противники развернулись для новой схватки. Изготовившись, Словен стал внимательно следить за сигнальным флажком. Только сейчас он услышал шум, исходивший от зрителей, до этого их будто не существовало, так он был занят поединком.

Но вот руководитель состязания дал знак, Словен ринулся на противника. Проскакав какое-то расстояние, он взглянул на Брячислава и увидел, что тот почему-то еще стоит на месте; то ли не заметил сигнала, то ли обнаружил какой-то неполадок в снаряжении, то ли по какой-то другой причине.

Словен хотел остановиться, но лютичский князь тронулся с места и поскакал ему навстречу. Однако в скорости он явно проигрывал Словену, конь которого скакал все стремительнее и стремительнее, пока не достиг предела своих возможностей, увеличивая тем самым силу удара копья хозяина.

Удар Словена был сокрушающим. Брячислав вылетел из седла и пал на землю.

И тут Словен почувствовал страшную усталость, будто целый день провел в сражении. До него доносились крики зрителей, он видел возбужденные лица, восторженные глаза, но это его не волновало. Он медленно отъехал в сторону, собираясь снять снаряжение и отправиться куда-нибудь отдохнуть.

И вдруг перед носом коня увидел Велемудра. Великий князь держал в руках золотое ожерелье и говорил растроганно:

– Какая победа! Над каким противником! Поздравляю! Поздравляю!

И надел ожерелье на кончик копья.

Обычно победители преподносили свои награды женщинам. Но кому ему подарить? Не было здесь какой-то особы, к которой стремилось бы его сердце...

И тут он увидел Бажену. Что-то шевельнулось в его груди, какую-то светлую память оставила эта своеобразная и своенравная девушка. Почему не вручить ей заслуженную награду?

Боясь раздумать, Словен тронул коня и подъехал к зрителям. Бажена сидела в кресле и смотрела на него. Однако он заметил, что по мере его приближения восторг на ее лице сначала сменился недоумением, а потом в ее глазах метнулся испуг. Он не понял, чем была вызвана такая перемена в ее настроении, да и поздно было отказываться от своего намерения. Он протянул ей на копье ожерелье и проговорил:

– Тебе, Бажена, посвящается моя победа. Прими мой скромный дар, который я завоевал в честном поединке.

Она кинула испуганный взгляд на соседа, сидевшего справа от нее, несмело протянула руку, сняла ожерелье с копья. И тотчас сжалась, будто боясь удара.

И тут Словен заметил сидящего с ней мужчину лет сорока, с короткими усами и бородкой. Его узкие колючие глазки с ненавистью смотрели на дарителя. Он вспомнил, что Бажена сосватана за какого-то боярина, и, по-видимому, женихом этим и был ее сосед. Ему стало не по себе, он понял, что совершил бестактный поступок, а потому круто повернулся и отъехал в сторону. Там к нему подбежал дружинник, помог спуститься на землю, снять снаряжение, увел коня.

Настроение было испорчено. Словен бесцельно походил около скамеек со зрителями, присел на одну из них, стал смотреть на состязания всадников, но мысли его были далеко. Зачем надо было дарить ожерелье Бажене? Разве достойно князя совершать необдуманные поступки, разве не учили его с детских лет взвешивать каждый свой шаг? Он вроде старался следовать указаниям своих наставников и вот нечаянно сорвался, влез в чужую жизнь, влез грубо, прилюдно... Нет, не может он простить себе такого!

Он еще немного посидел, а потом направился в свой терем, построенный когда-то предками в Рерике; в нем словенские князья останавливались во время пребывания в столице. До вечера бесцельно проболтался в нем, а потом пошел на пир, который великий князь давал во дворце в честь окончания славного похода.

Гостиная во дворце, где проходило торжество, была длинной и низкой, с широкими окнами, переплеты которых были забраны разноцветным стеклом. На потолках были развешаны цветы, на стенах висело различное оружие и военное снаряжение – от щитов и мечей до кольчуг и панцирей. На одной из стен красовался ковер, как видно, купленный у заезжего купца, на нем была изображена сцена охоты на оленя. Гончие псы гнали его среди высокой травы, а он, изящно загнув длинную шею с маленькой головой и ветвистыми рогами, мощными прыжками уходил от погони. Посредине гостиной был поставлен длинный стол, накрытый льняной скатертью, возле стола – скамейки. На полу был накидан свежий тростник.

Когда гости расселись, явился Велемудр с супругой. Он был одет по-простому: в белую рубашку, окаймленную золотым шитьем по вороту и запястью рукавов; голубые штаны были заправлены в сапоги красного цвета из мягкой кожи, голенища их были затейливо расшиты и украшены жемчугом. Княгиня была в нарядном платье из дорогой заморской ткани, на шее, в ушах и на голове золотые и серебряные украшения, драгоценные камни.

Гости, встав со своих мест, шумно приветствовали великого князя и княгиню. Возле стола бегали слуги, выставляя различные кушанья. Тут были мясо вареное и жареное, задние ноги быков, зажаренные на вертеле, дельфины, приправленные пшенной кашей, студень, лебеди, павлины, кролики, цапли, оленина... Среди печеной еды выделялись булочки в виде гербов племен, входивших в состав государства Руссиния; среди них Словен увидел и герб

своего племени – щит с перекрещенными мечами. В кувшинах подавалось вино, возле стола стояли бочки с пивом, его гости черпали самостоятельно.

Великий князь поднял бокал, и разом стихли шум и разговоры.

– Братья! – прочувственно произнес Велемудр, из-под лохматых бровей оглядывая гостей. – Сила Руссинии – в единстве племен! Пока мы будем вместе, пока наши воинские силы будут собраны в мощный кулак, никакой враг нам не страшен. Наоборот, враги наши будут бояться каждого нашего шага и не посмеют даже приблизиться к нашим рубежам. А потому первый бокал – за нашу славянскую общность, за сплоченность наших народов, чтобы выступали всегда как неразделенный, как спаянный народ!

– За наше славянское братство! – вскочив со скамейки, выкрикнул Брячислав, князь лютичский.

– За единую могучую Руссинию! – поддержал его Бранибор, князь гаволян.

– За союз племен, завещанный нам великим Руссом! – присоединился к князьям Словен. Гости, встав со своих мест, дружно поддержали здравицы князей. Слышались голоса:

– Слава Велемудру!

– Слава великому князю!

– Слава нашему мудрому правителю!

Гости принялись за еду и питье, пир разгорался.

Словен огляделся, невольно отыскивая взглядом Бажену. Она с женихом сидела на противоположной стороне стола, далеко от него. Сидела, склонившись над блюдом с едой, и не поднимала глаз. Зато Изяслав сверлил Словена ненавидящим взглядом. И вновь князю стало мучительно стыдно за свой поступок. Ну ладно, если бы он был влюблен в нее, добивался ее руки, страдал по ней, изнывал от тоски. Или не знал, что она посватана. Или она была влюблена в него... Ничего этого не было. Скорее наоборот, рассталась она с ним сухо, даже с некоторой неприязнью... Все знал он и почему поступил так, почему нашло на него желание преподнести ей завоеванную в поединке награду, не мог ответить до сих пор. Внезапно накатила какая-то блажь, необъяснимая причуда, глупая прихоть, и он поддался скоропалительному влечению, серьезно не задумываясь или даже совсем не подумав...

Может, подойти извиниться? А не будет ли это очередной глупостью? Да и за что извиняться? Он поступал согласно общепринятому обычаю, каждый воин волен преподнести свой дар женщине или не дарить совсем. Подойдешь, попросишь прощения, а потом будут над тобой все смеяться...

Нет, все не так, запутался совсем. И так плохо, и так нехорошо. Но как правильно? Тут еще хмель ударил в голову, думать мешает...

В это время кто-то сзади тронул его за плечо. Он оглянулся. Перед ним стоял Изяслав. Это был здоровенный мужчина высокого роста. В глаза Словену бросилась засохшая корочка пены, которая скопилась у уголков его жестких потрескавшихся губ.

– Князь Словен, – проговорил он громовым голосом, – на состязании ты прилюдно нанес оскорбление и мне, и моей невесте. Поэтому я вызываю тебя на поединок!

Тогда только появился этот злосчастный обычай, который потом, точно ржавчина, будет разъедать высшее общество Европы – по каждому поводу, а порой и без повода вызывать обидчика на поединок, который назовут дуэлью. Родился он из закона времен первобытного общества – «нанесение обиды» человеку или его родичу, за что требовалось отомстить в любом случае, не говоря уж об убийстве; тут вступал в силу обычай кровной мести. Сотни, тысячи молодых мужчин погибли без пользы для родины в этих схватках. Правители различных стран будут предпринимать большие усилия, стремясь запретить поединки, введут самые жестокие меры против них, вплоть до смертной казни, но все будет тщетно. Дуэли в отдельных проявлениях дожили вплоть до двадцатого века.

Вызов на такой поединок и бросил боярин Изяслав князю Словену в присутствии великого князя и высоких гостей. Хотя Словен и понимал опрометчивость и ошибочность своего поступка, но в столь людном месте не мог ответить отказом или извинением, и он сказал:

– Я принимаю твой вызов, боярин.

Но тут сорвался с места Велемудр, невзирая на свое высокое положение, подбежал к ним, проговорил настойчиво:

– Никакого поединка не будет! Я не позволю, чтобы мои подданные бессмысленно убивали друг друга! Сейчас же извинитесь и дайте слово мне, что не станете драться с оружием в руках!

Словен и Изяслав молчали.

– Хорошо, тогда я прикажу взять вас под стражу и не выпускать, пока вы сами добровольно не явитесь ко мне и не пообещаете помириться между собой. Эй, стража! Взять их и отвести каждого в отдельный поруб. Пусть подумают о своем поведении на досуге!

«Глупо, как все глупо вышло! – думал про себя Словен, когда его выводили из дворца. – Как меня учили с детства: не совершать необдуманных поступков. Семь раз примерь, один раз отрежь!»

Его привели к порубу, находившемуся возле крепостной башни. Это была глубокая яма, в которую был врыт сруб; сверху были накатаны бревна и навес в форме шалаша от дождя и снега. Входом в него было небольшое отверстие, закрываемое толстой крышкой.

По лестнице Словен спустился в сырое, пахнущее гнилью и плесенью помещение, в темноте нащупал деревянные нары с наброшенным барахлом, прилег. В голове пустота, в теле огромная усталость. «Посплю, а потом будет видно, – подумал он, устраиваясь поудобнее на лежанке. – Как говорят, утро вечера мудренее».

О своем будущем он особо не беспокоился. Он знал, что Велемудр выпустит его не позднее чем следующим утром: если он это не сделает, за него постарается дружина, которая вызовет своего князя!

Немного повозившись на неудобном ложе, он уснул.

Разбудил его скрип отворяемой крышки. В глаза ударил свет, заставив зажмуриться. Словен поднялся и, увидев в проеме лицо князя Бранибора, спросил:

– Что, великий князь вызывает к себе?

– Нет, Велемудр больше не вызовет к себе.

– Что так? Неужели я так провинился, что мне нет прощения? – с некоторой усмешкой спросил Словен.

– Велемудр никого больше не призовет и никого больше не сможет простить. Он умер нынешней ночью!

– Как умер? От чего?

– На рассвете с ним случился сердечный удар. Нет больше великого князя Велемудра.

Словен вскочил с лежанки, по лестнице стремительно взбежал наверх.

– Бранибор, скажи, что это неправда! – в отчаянии крикнул он.

– Увы, и Велемудр ушел к нашим предкам.

– Но на пиру он был совершенно здоров!

– Все мы во власти богов. Как они решат, так и будет.

Словен присел на ступеньку лестницы, руками обхватил голову, произнес, качаясь из стороны в сторону:

– Какого правителя мы потеряли! Какого человека!

– Но этот человек усадил тебя, князь, в поруб...

– За дело упрятал, как нашкодившего мальчишку. Что я, не понимаю?

– Ладно, князь, убиваться. Пойдем, отдадим должное покойному.

Они вошли во дворец. В гостиной, где вчера кипел веселый пир, на столе лежал великий князь. Словен подошел поближе. Лицо Велемудра было спокойно, но несколько отстраненно, будто он был обижен на всех и намеренно не хотел ни с кем иметь дела. Смерть нисколько не тронула его, не изменила; казалось, он откроет сейчас глаза, вздохнет глубоко, встанет и пойдет по своим делам. И в какое-то мгновение Словен в это поверил, потому что человек долгое время не может примириться с мыслью об уходе близкого человека в вечность, ему кажется, что возможно чудесное возвращение...

Вокруг тела покойного собралась большая толпа. Все стояли молча, потрясенные свалившимся горем. Недалеко от себя Словен увидел Бажену и боярина Изяслава. Лицо боярина было будто каменное, а девушка часто утирала наполнявшиеся слезами глаза. И тут Словену произошедшая вчера ссора показалась такой мелкой, настолько никчемной, что он чуть не застонал от охватившего его раскаяния и угрызения совести; он понял, как был мелочен и суетен, ничтожен и вздорен, а главное, понимал всю неправоту и все же стоял на своем. Он – обыкновенная, заурядная, ничем не примечательная личность по сравнению с тем, кто ушел в вечность...

Недолго постояв, Словен вышел из дворца, остановился на крыльце, невидящим взглядом стал смотреть вдаль. К нему подошел Изяслав.

– Князь, – сказал он тихим голосом, – в этот печальный для нас всех день... Я погорячился вчера, а потому прошу прощения.

Словен был покорен благородством и прямоотой боярина. Не раздумывая, подал ему руку: – Ты меня тоже прости, что я так непродуманно и опрометчиво поступил на состязании.

Они обменялись крепким пожатием и разошлись. Словен направился во дворец и в прихожей лицом к лицу столкнулся с Бранибором.

– Князь, – сказал Бранибор, – я должен тебе сообщить что-то очень важное. Зайдем в эту горницу, там как раз Брячислав.

Брячислав сидел за столом, перед ним кувшин вина и скромная закуска – куски мяса и хлеб.

– Садись, Словен, – пригласил он. – Помянем нашего правителя Велемудра.

Они налили себе в бокалы, выпили, закусили.

– Пока ты сидел в порубе, важные дела свершились, – сказал Бранибор. – Мы с Брячиславом стояли у изголовья великого князя, когда он испустил последнее дыхание. Сразу встал вопрос о наследнике. Всем известно, что Велемудр хотел видеть на престоле своего старшего сына, Доброслава. За него стоял Брячислав. Но я был на стороне Довбуша. Как бы мы ни крутили, но он является единственным законным наследником престола. Поступить иначе – значит породить смуту в стране, а этого нам допустить нельзя. Я убедил в этом лютичского князя, и мы совместно приняли решение послать за Довбушем, чтобы он приехал в столицу и стал великим князем Руссии. Что ты на это скажешь?

– Я согласен с вашим решением.

– Ты близко общался с Довбушем. Что это за человек? Он столько лет безвыездно жил в Галкино, что мы о нем почти ничего не знаем.

– Да как сказать... Обыкновенная, ничем не примечательная личность. Живет сегодняшним днем, заглядывать в будущее не умеет и не любит. Не глуп, но и особыми способностями не блистает... И еще. На него очень большое влияние оказывает его жена, германка Гудни. Волевая и смелая женщина. Он порой поступает под ее диктовку.

– Женщина – это плохо, – встрепенулся Брячислав. – Там, где женщина, там беда.

– Ну, это сильно сказано, – возразил Бранибор. – Бывают женщины с государственным умом. Таких послушать – как меду напиться.

– Ну уж нет. Я слабое сословие близко к власти не подпущу.

– Ладно, не столь это страшно. Просто нам, князьям, на первое время надо под свою опеку взять нового правителя, следить за его действиями и при случае подсказывать, подправлять, вразумлять где надо...

– Если он позволит, – скривил узкие тонкие губы Брячислав.

– На то мы и князья – главная опора великого князя! Если не мы, то кто еще? Бояре – это сила, но их десятки и они рассыпаны по всей стране. А мы – вот они. Нам, троим, легко собраться и договориться. Так не упустим свои возможности!

– Может, и не понадобится наше вмешательство, – вступил в разговор Словен. – Велемудр так хорошо наладил жизнь в государстве, что только правь, как заведено, и все будет прекрасно. Казна наполнена. Дружины хорошо вооружены и обучены. Для народного ополчения оружие и снаряжение запасены. Крепости и пограничные укрепления в хорошем состоянии. Окружение великого князя, которое занимается управлением страной, подобрано умное и работающее. Тут и дурак справится.

– Ну, дураков нам не надо, и без них иногда тошно становится. Нам бы в правители поумнее человека.

– И чтобы не дурачился. Потому что иногда умные люди, получив власть, начинают так дурачиться, что только диву даешься.

– Правильно. Ведь недаром говорят: если хочешь узнать человека, дай ему власть.

Довбуш прибыл в столицу Рерик в день похорон Велемудра. Тело великого князя в военном снаряжении было положено в саван и опущено в глубокую и широкую могилу. Рядом с ним положили его оружие, поставили кувшины с вином и чарку, куски мяса, различную золотую и серебряную посуду, кое-что из утвари. Все это должно было пригодиться бывшему правителю на том свете. Потом под рев труб и рогов, переливы свирелей и сопелей и бой барабанов могила была засыпана, а над ней сооружен курган. Три дня продолжалась тризна. Все это время Довбуш со скорбным лицом выполнял все положенные ритуалы, а в кругу князей, бояр и дружинников пил вино и поедал пищу; пил, но не напивался.

Через месяц после похорон он собрал Боярскую думу. Раньше она состояла из начальствующего состава великокняжеской дружины, всего одиннадцать человек. Теперь на заседание были приглашены князья и воеводы племенных дружин, тысячники местных ополчений, всего около сорока человек. Таким образом Боярская дума увеличилась почти в четыре раза.

Перед первым заседанием Словен на правах друга зашел в горницу Довбуша, спросил недоуменно:

– Зачем тебе понадобилось включать в Думу столько представителей со всех уездов страны?

– Такой состав позволит мне лучше знать положение в различных землях и поможет принимать нужные, правильные решения.

Он немного помолчал, а потом добавил:

– Главное, чтобы было не как при Велемудре. Я перекрою все управление страной, поставлю всюду своих людей и буду править по-своему.

– Но надо ли кроить? Ведь при прежнем великом князе было все хорошо, страна процветала, ее боялись все окружающие страны и народы...

– Меня будут бояться еще больше! Не все было замечательно при прежнем правителе. У него были любимчики и изгои. Изгоем он сделал меня, и я этого не смогу забыть и не забуду!

– Ладно, делай все наоборот, чем при Велемудре. Но только поступай разумно, а не во вред страны.

– Чего ошибочного ты увидел в моем решении увеличить представительство в Думе?

– Прежний состав Думы из командующего состава великокняжеской дружины отражал интересы Руссинии, а не какой-нибудь отдельной области или княжества. Потому что дружина всегда выступала под командованием великого князя, билась за интересы страны в целом. А

теперь подавляющее большинство Думы, тридцать из сорока человек, – это люди с мест, каждый из них будет тянуть одеяло на себя и, таким образом, растащат державу по частям.

– Ну, это ты хватил лишку! – самоуверенно проговорил Довбуш. – Да пусть попытаются. Я им так хвоста накручу, что чихать смешаются. Будет по-моему, как я сказал.

На первое заседание пришли все приглашенные, расселись по лавкам, расставленным вдоль стен гостиной. Было шумно и весело. Многих раззадоривала необычность обстановки и то обстоятельство, что они впервые попали в такое высокое учреждение. Однако при появлении великого князя установилась почтительная тишина.

Довбуш уселся на престоле и, оглядев всех живыми, веселыми глазами, принялся говорить. Он поздравил новых членов Думы, высказал надежду, что они со всем усердием примутся за работу, а потом вдруг ни с того ни с сего перешел на свое детство, рассказал, что оно протекало в Рерике, на берегах Балтийского моря, куда они со сверстниками бегали купаться и ловить рыбу, как порой неосторожно они на лодках уплывали в дальние просторы и однажды чуть не погибли во время налетевшего шторма.

Он вдруг вспомнил, что вокруг столицы стоят прекрасные леса, где множество грибов и ягод, что он помнит и знает множество тропинок в чащах, по которым с друзьями детства пробирался к заветным местам с полянами земляники и клубники, а также россыпям белых грибов и опят...

Но неожиданно, отметил он, его посадили в возок и отвезли в Галкино, оторвав от столицы, друзей и активной жизни. Но и там он время не терял. В тиши небольшого поселка он много размышлял о будущем страны и народа, намечал большие планы по переустройству общества, надеялся, что когда-то боги восстановят справедливость и вернут ему трон родителей. И вот это свершилось. И преобразование Думы – это только первый шаг по пути воплощения в жизнь намеченных изменений...

Словен слушал и не узнавал прежнего Довбуша. В Галкино он привык видеть его несколько прибитым, пришибленным, может быть, даже робким. Если он говорил, то немного, насчет будущего своего не распространялся совсем, а больше излагал обиду на свое заточение. Говорил он с трудом, с большими перерывами между отдельными высказываниями, порой переходил с одной темы на другую...

А теперь слова сыпались из Довбуша, точно горох из дырявого мешка. Он говорил и говорил, не переставая, обволакивая слушателей густой пеленой словесного тумана, заставляя забыть обо всем и принуждая внимать этой пустой болтовне. Что это была лишняя всякого смысла бестолковая трескотня, понимали все, но вынуждены были внимать, потому что говорил великий князь, а своего правителя они привыкли слушать. Тараторил Довбуш, не меняя выражения лица, оно оставалось улыбочивым, добрым и никак не выражало содержание его речей. Казалось, что кто-то сзади его изрекает легкомысленные слова, а он сидит на троне и повторяет за ним, совершенно не вникая в их смысл.

Около часа продолжалась эта болтовня, пока, наконец, Довбуш не перешел к поставленному на Думе вопросу – о распределении денег из казны на различные дела и по различным землям. Он рассказал, сколько поступило средств государству в виде дани, сколько было получено доходов от торговли, таможенных сборов и прочее и прочее, а потом доложил, как намерен распорядиться полученными богатствами.

Первую часть его доклада – о полученных доходах – слушали внимательно и спокойно. Тут вроде бы все было ясно. Но как только великий князь перешел к вопросу о разделении между различными землями, началось сначала легкое, а потом все больше и больше нарастающее волнение. И когда Довбуш закончил свою речь и с довольным видом устало откинулся на спинку кресла, как видно надеясь услышать слова похвалы и одобрения, в гостиной возник шум. Говорили все разом, а некоторые повскакали с мест и выкрикивали гневные слова, но за общим гвалтом невозможно было что-либо расслышать.

Довбуш на первых порах растерялся. Он оглядывался вокруг, ища поддержки, но ни от кого ее не мог получить. Стражники истуканами стояли по обе стороны от него и безучастно следили за происходящим, да и они были бессильны что-либо сделать; из членов Думы никто не собирався помочь великому князю. Наконец, поняв, что только он может как-то изменить положение, Довбуш вскочил и крикнул истерично:

– Молчать!

И, видя, что некоторые услышали его крик, он затопал ногами и взвыл:

– Молчать, говорю! Молча-а-ать!

В гостиной постепенно шум стал стихать, люди рассаживались по скамейкам, недоуменно и смущенно переговариваясь между собой.

Наконец все стихло.

Довбуш сел в кресло, стал оправлять свою одежду, хмуря брови и всем видом показывая свое недовольство. Проговорил, сердито насупя брови:

– Нельзя так вести себя в высоком государственном учреждении! Это вам не рынок, где можно перекричать друг друга и сбить цену на товар или, наоборот, продать подороже. Мы решаем важные вопросы жизни страны, и подходить к делу надо по-серьезному, внушительно и обстоятельно. И не надо забывать, что я – великий князь, что руковожу и направляю вашу деятельность. И сейчас вы спокойно, по очереди, по порядку станете излагать свое мнение, не перебивая друг друга. Вот пусть первым выскажется князь гаволян Бранибор.

Бранибор поднялся, тонкий, длинный, потрогал узкую бороду, стал говорить неторопливо и рассудительно:

– Ты, великий князь, большую часть средств выделил племени бодричей, потому что оно проживает вдоль границы с германцами и несет большую нагрузку по защите рубежей Руссии. Может, это и правильно, только я скажу, что и гаволяне тоже проживают на границе и тоже испытывают постоянный нажим, и не только со стороны германцев, но и Франкского государства. Нам тоже приходится защищаться, мы тоже строим укрепления, возводим валы и крепости. Так почему же ты нас обижаешь и мало средств даешь на предстоящий год? Чем мы провинились? Разве хуже бодричей стоим на страже?

– Так, понятно. А теперь послушаем князя лютичей Брячислава.

– Нет, постой, великий князь, – не садился на свое место Бранибор. – Ты, прежде чем расспросить Брячислава, ответь мне на заданный вопрос. Прав я или не прав, требуя лишних средств для своего племени? Я приеду к родичам, а они меня спросят на вече, отстаивал ли я их интересы, говорил ли о наших нуждах и что ответил на это великий князь?

– Мы же договорились, что сначала я узнаю мнение всех, а потом отвечу на поставленные вопросы.

– Нет, ты, Довбуш, сейчас мне ответь!

– Какой же ты непонятливый! Простые слова до тебя не доходят. Слушай ты, князь, и внимайте все остальные: излагайте по порядку свои соображения, я их взвешу и оценю, а потом дам ответ. Понятно я говорю? Или еще раз повторить для тебя, князь Бранибор?

– Зачем обижаешь, великий князь? Почему относишь меня к глупым людям?

– Я тебя глупым не называл. Я просто просил терпеливо ждать моих выводов.

– Нет, ты сказал при всех людях, что я непонятливый человек!

– Экий ты, братец, обидчивый! Да не в этом я смысле произнес это слово... Ну да ладно, извини, князь, сорвалось с языка.

– Будь осторожен, князь. Слово вылетело – не поймал, а за слово можно поймать.

– Садись, князь Бранибор. А ты, Брячислав, начинай излагать дело по существу.

– Да какое существо! Нет никакого существа, а остались только одни несправедливости! – с ходу кинулся в наступление на великого князя горячий и вспылчивый Брячислав. – Вот тут говорят: бодричи и гаволяне защищают Руссию от врагов, им надо давать больше средств,

чем другим племенам. А мы, лютичи, разве не воюем с врагами? Разве лютичи не кладут свои головы на поле брани? Как только сражение, кого великие князья ставят на самых опасных направлениях? Лютичей. Кого бросают в самое пекло побоища? Лютичей. Сколько раз мы добывали победу нашей родине? Сколько хвалили наших храбрых воинов великие князья? Мы такими смелыми и мужественными останемся и впредь, ведь недаром зовемся лютичами – лютыми воинами! Так что не обижай нас, великий князь, выделяй на нас столько же средств, сколько дал бодричам и гаволянам!

Брячислав опустил на скамью, широкая грудь его вздымалась, а лицо покраснелось и покрылось пятнами.

Тотчас встал Изяслав и, рубя воздух крепким кулаком, стал говорить жестко и напористо: – Я, как воевода бодричских войск, не могу молчать, слыша, как наносят оскорбление моему племени. Бодричи – самое сильное племя в Руссии. Оно несет на себе главную нагрузку, основную тяжесть по обороне страны, оно больше всех средств вносит в казну, оно, наконец, помогает другим племенам всем, чем только может. Поэтому оно вправе заявлять на особое положение в державе. Если мы производим больше всех, то и должны получать больше всех из казны. Это наше право, и мы не отдадим его никому!

Изяслав сел и стал оглядывать всех настойчивым, непримиримым взглядом.

Довбуш обескураженно смотрел на присутствующих. Как видно, он не ожидал таких выступлений князей, ему хотелось как-то переломить ход заседания Боярской думы, но не знал, каким образом это сделать. Наконец его взгляд упал на Словена. Уж его друг не должен подвести, найдет какие-то добрые слова для великого князя и не кинется с критикой его решений.

И он произнес:

– Пусть теперь выскажется князь словен.

Словена покоробили речи князей, он искренне переживал за Довбуша, который только что заступил на престол, толком не знал положения в государстве и сразу же подвергся нажиму со стороны таких влиятельных людей, как Бранибор и Брячислав. Ему хотелось произнести несколько добрых, теплых слов человеку, с которым связывала давняя дружба. Он встал, немного помолчал, собираясь с мыслями, и начал говорить. Он говорил и с ужасом начинал понимать, что произносит не те слова, которые хотел сказать, что его несет совсем в другую сторону. Словен стал распространяться, как мало его племя, на каких неудобных землях оно проживает, как трудно добыть нужные средства, чтобы покрыть самые необходимые растраты. Это тяжелое положение племени понимал Велемудр и выделил средства на покупку оружия и снаряжения для дружины. Вот и теперь, он, Словен, рассчитывает, что и новый великий князь, заступивший на престол, не обойдет вниманием его сородичей и увеличит им помощь в силу возможностей...

Дума встретила выступление Словена гробовым молчанием. Довбуш неопределенно хмыкнул, покрутил круглой головой, но ничего не ответил и стал опрашивать остальных. А Словен сидел в самом прескверном настроении и размышлял над тем, каким образом стадное чувство смогло увлечь его и повести вслед за гаволянским и лютичским князьями, хотя он и не хотел этого. Но сколько ни раскидывал своим умом, ни к чему путному не пришел, начал слушать очередных выступающих, но плохо понимал и кое-как досидел до конца заседания Боярской думы.

После окончания его в коридоре остановил Довбуш:

– Ну что ж ты, Словен? А я так на тебя надеялся...

Словен пожал плечами и ничего не ответил.

Они вышли на улицу. Был один из таких тихих спокойных вечеров, которые выдаются после жаркого дня. Князья с удовольствием дышали свежим, прохладным воздухом.

– Однако мы засиделись, – произнес Довбуш...

– Мне кажется, можно было ограничиться выступлением князей, а воевод и тысяцких послушать в другой раз.

– Нет, пусть выскажутся все сразу. Когда человек выльет то, что у него накопилось внутри, с ним легче работается. Пусть говорят!

– Но какие разговоры! Все недовольны, все требуют, всем что-то надо! Эдак они тебя скоро разорвут на части!

– А мне себя не жалко, – с усмешкой проговорил Довбуш. – Пусть дерут!

– Смешного мало. Как я тебе и говорил, каждый тянет одеяло на себя. Как бы Руссинию не разорвали! Я сегодня воочию убедился, что зря ты увеличил состав Думы. Начальники великокняжеской дружины затерялись среди представителей мест. Именно они заправляют теперь в Думе, а их поведение никак не в пользу единства страны.

– Я это предусмотрел заранее и выработал для себя положение, которым и буду руководствоваться в управлении государством.

– И какое же положение?

– Во время долгих размышлений в Галкино я пришел к выводу, что в природе и в жизни человека действует правило, которое можно выразить двумя словами: взаимодействие и противовесы. Приглядишься: лету противостоит зима, воде – огонь, дурному – добро, светлому – темное. Они уравнивают друг друга и способствуют установлению в мире спокойствия и равновесия. Так и в государстве. Если сейчас произошел крен в сторону Боярской думы, она стала забирать себе много власти, стало быть, нужно создать ей противовес, и все придет в норму.

– И какой же ты противовес хочешь создать?

– Возродить вече! – победоносно ответил Довбуш. – Великие князья до меня стремились принизить значение народных собраний. Я же дам свободу народовластию. Надо углубить и расширить людской почин, внутреннее побуждение каждого человека к новым формам деятельности. Расчет прост: народ стоит за меня, против своеволия князей и бояр. В великом князе он видит самого справедливого судью и приходит на красное крыльцо искать правду, поэтому я дам больше прав вече, и оно станет противовесом Боярской думе, умерит ее аппетиты. Вот так в стране установится равновесие властных сил и наступит спокойствие.

– Велемудр устранил вече и крепил великокняжескую власть, поэтому страна стала могучей и процветающей...

Довбуш нетерпеливо перебил Словена:

– Не поминай мне Велемудра! Ты знаешь, что сотворил он с моей жизнью! Так же скверно поступал и в управлении страной! Я все переделаю по-своему! Я уже изгнал его сторонников и лишил права управлять государством, скоро расправлюсь и с оставшимися...

– Но они помогали великому князю управлять Руссинией и много сделали для ее величия! Один правитель ничего не сможет сделать, он бессилён в одиночку управлять своими подданными. Не лучше ли было подчинить их своей воле и заставить работать на себя?

– Меня бесит все, что связано с именем Велемудра! Я приказал выкинуть трон, на котором он сидел, кровать, на которой он спал, стол, за которым он ел! И я уберу всех его приспешников и наберу себе новых помощников! Только тогда смогу спокойно править, только тогда Руссиния узнает, на что я способен!

Довбуш еще долго кипятился, частя словами и размахивая руками, но Словен его уже не слушал. Впервые мелькнула мысль, что его друг делает что-то не то, что нововведения могут принести не пользу стране, а, наоборот, навредить ей, и этот вывод в сильной степени опечалил его. До этого дня он жил с уверенностью, что Довбуш немного побурчит-побурчит относительно несправедливостей своего дяди, а потом за государственными заботами забудет о них и станет спокойно править. Да вот, видно, не совсем так получается...

Чтобы немного развеяться от насущных забот, Довбуш решил устроить большую охоту. На нее были приглашены все видные люди столицы с женами, семьями. Предполагалось провести в лесах до пяти дней, поэтому с собой брались палатки, запасы продуктов, постельные принадлежности, утварь и, конечно, вино и пиво. Получился длинный обоз из нагруженных телег, возков, с множеством слуг, которые должны были обслуживать своих господ. В один из июньских дней эта нескладная вереница тронулась из Рерика.

Когда углубились в чащу леса, к Словену подъехал Бранибор, спросил, то ли насмешливо, то ли озадаченно:

- Слышал, что говорят столичные жители?
- А что они говорят?
- Дескать, единственный у них защитник – это воевода Изяслав.
- Вон как! И с чего пошли такие разговоры?
- Видно, кто-то донес до них содержание его выступления на Боярской думе.
- Кто это сделал? Кому надо?
- Кому, кроме него – Изяслава?
- Это что, с дальним прицелом?
- Пока рано судить, но боюсь, что – да.

Некоторое время ехали молча. Потом Словен как-то коротко вздохнул, произнес:

– Не нравится мне эта затея Довбуша с Боярской думой...

– А чем она плоха? Князьям, воеводам и тысяцким предоставлена возможность высказаться в таком высоком учреждении, да еще в присутствии великого князя. Этого никогда не бывало! Я с большим удовольствием выступил, да и ты неплохо высказался... Конечно, мы, вожди племен, всегда были накоротке с великими князьями, а вот перед остальными открылись, я думаю, новые возможности для плодотворной работы.

– Это все так. Но ты обратил внимание, о чем каждый говорил?

– Делился своими заботами.

– Вот именно, заботами своего племени. Но ни один не обмолвился об общегосударственных, о стоящих перед Руссией сложностях...

– Об этом должен беспокоиться великий князь.

– А мы? Нам что, наплевать на свою страну?

– Я что-то не пойму тебя. Разве мы, племена, составляющие Руссию, не являемся страной? Мы что, иностранцы? И не имеем права поговорить о том, что нас тревожит? Вот Довбуш предоставил нам такую возможность...

– Так-то оно так, но...

– Что – но?

– Да не знаю, как это сказать, но что-то мне не дает покоя...

– Ничего. Поохотимся, поживем вольной жизнью, все встанет на свои места.

– Но это еще не все. Довбуш собирается возродить вечевое правление. Он сам мне сказал, что будет часто созывать вече, где народ станет говорить о наболевшем, а он, великий князь, будет прислушиваться к гласу народа и по мере возможности исполнять их пожелания.

– Замечательно! Возродится наше древнее народовластие. Думаю, это пойдет только на пользу государству.

– Но великие князья, начиная с Русса, стремились ограничить влияние вече и усиливали центральную власть...

– Русс – это Русс, он жил давно, с тех пор прошло более трех столетий. Много изменилось!

– Но и Велемудр не жаловал народную вольницу. Я думаю, что опасно распускать вожжи, следует держать подданных в крепкой узде. Посмотри на соседнее Франкское государство. Совсем недавно перед его правителями трепетали соседние народы. А теперь что? Централь-

ная власть ослабла, страна раздробилась, и с ней никто не считается, не принимает в расчет. Не ждет ли такая судьба Руссию?

– Ну, это ты загнул! Да разве можно равнять нашу страну с каким-то германским образованием? Мы – это сила, а там...

И Бранибор презрительно махнул рукой.

Они разъехались.

Словен поскакал вперед, подгоняемый тревожным чувством. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Может, с Брячиславом или Довбушем, однако они не встречались. Зато он догнал возок, на котором сидела Бажена. Его поразило ее лицо. Обычно веселое и жизнерадостное, на этот раз оно было грустным и печальным. Она взглянула на него и тотчас отвернулась, и это неприятно кольнуло Словена. «Сердится за ту выходку, – подумал он. – Я и сам на себя сержусь!»

Охотничий обоз остановился на широкой поляне. Слуги тотчас стали устанавливать палатки, разжигать костры, а охотники отправились в лес. Вскоре округа огласилась криками, стрекотом трещоток, трубными звуками рогов и боем барабанов. Это слуги погнали зверье на затаившихся в засадах охотников.

Словен выбрал место за сваленным деревом. Его защищал толстый ствол и густо разросшийся кустарник. Когда шум стал приближаться, он вынул стрелу и положил ее на лук, внимательно оглядывая пространство перед собой.

Вот между деревьями мелькнула тень. Это был волк. Он мчался прямо на него, сильные лапы вылетали из-под груди, треугольные уши прижаты к квадратной голове. Тело было пружинисто, наполнено силой и гибкостью.

Волк быстро приближался. Уже видны были длинный красный язык и белые клыки. Словен выстрелил. Больной, захлебывающийся вой понесся по лесу, зверь кубарем покатился по земле, судорожно дергая бьющими по воздуху лапами. Через некоторое время он затих.

Словен встал и подошел к нему. Это был породистый зверь, может быть, даже вожак стаи. Стрела угодила ему в горло, и он захлебнулся кровью. Еще судорога пробежала по его телу, изредка дергалась то одна, то другая нога, но глаза уже покрыла смертная пелена.

Вот только что он был хозяином леса и не было существа, которое могло с ним соперничать, но теперь лежит он у ног, поверженный и бездыханный. Не так ли все в жизни: живешь и не знаешь, что ждет тебя впереди – то ли слава, то ли погибель...

Словеном вдруг овладела страшная усталость. Охота на волка не прибавила настроения, ему не хотелось ни заниматься поисками новой добычи, ни участвовать в облаве, ни бродить по лесу. Он вернулся на стоянку, скинул с себя снаряжение и забрался в палатку. Там стараниями денщика была разостлана постель. Он ткнулся лицом в подушку и мгновенно уснул.

Пробудился только в начале ночи. Вылез из палатки. На поляне горело несколько костров, вокруг них располагались люди, их темные фигурки двигались, качались, ходили вокруг огня, взмывавшего ввысь; широко распростерлось темное небо с яркими звездами, а со всех сторон обступал сумрачный, загадочный лес. Сказочная картина, и Словену на какое-то мгновение показалось, что вот сейчас выйдет из чащи волосатый леший огромного роста и присядет рядом с охотниками, чтобы послушать их забавные рассказы...

Он улыбнулся своим грезам, присел возле палатки. Не хотелось идти в эти шумные сборища, ему нравилось пребывать в полусне-полуяви, среди этой дивной и колдовской, чародейской чащи. Он растянулся на травке. В душе его воцарились спокойствие и умиротворенность.

Вдруг рядом с ним шевельнулась какая-то тень. Словен взгляделся: Бажена! Он приподнялся, молча глядел на нее, не зная, к нему она явилась или просто прохаживается по становищу.

– Князь, я тебя побеспокоила? – спросила Бажена. Голос ее был тихий и грустный, и Словен невольно проникся к ней участием:

– Нет, Бажена. Я просто отдыхаю.

Она стояла, не шевелясь, и молчала. Молчание затягивалось.

Словен поднялся на ноги, спросил:

– Ты ко мне, Бажена? Что-то случилось?

Он увидел, как из темных провалов глазниц, отражая пламя костров, смотрят на него глаза девушки, смотрят испытующе и недоверчиво.

– Скажи, князь, – наконец произнесла она все тем же слабым голосом, – ты тогда, на состязании, подарок мне вручил по привычке дарить женщинам или из любопытства?

Словену не хотелось обижать ее, такую слабую, робкую, беззащитную, и он ответил:

– Ни то ни другое, Бажена.

– Значит, ты преподнес мне... от чистого сердца?

– Да. Мне хотелось подарить именно тебе.

– Почему?

– Я тебя очень уважаю, Бажена.

– И только?

– Это очень много – почитание...

– А я с тех пор все время думаю о тебе. Хочу избавиться от мыслей о тебе и – не могу. Наваждение какое-то. – И она, несмело взглянув на него, улыбнулась, кротко и покорно.

У Словена волна тепла прошла по груди от бесхитростных слов. Эта молоденькая, наивная девушка, как видно, сама того не подозревая, призналась ему в любви и теперь стоит перед ним, полная доверия и безграничной преданности. Можно ли ее обидеть и обмануть?

И он сказал:

– Я был искренен тогда. Но я забыл, что ты сосватана...

– Мне это неважно, – тотчас перебила она. – Главное, ты не лицемерил. Больше мне ничего не надо.

И она растворилась во тьме.

Словен долго смотрел ей вслед, чувствуя, что в мире этом для него много переменялось. Когда-то, еще в ранней юности, у него была первая любовь, суматошная, бестолковая, наполненная чудесными мгновениями коротких встреч, робкими поцелуями и внезапными ссорами. Девушка, ее звали Ладомирой, была равной ему по возрасту, но более зрелой по отношению к жизни. Она скоро стала намекать на то, что им следует пожениться. А он тогда был еще глупым и несмышленным, хотя ростом вытянулся на голову выше ее; на уме у него были озорные игры и мальчишеские забавы, поэтому в ответ на ее уговоры связать свои судьбы отвечал шуточками и смешками. И она бросила его, скоро выйдя замуж. Потом у него были и девушки, и женщины, но ни одну он так и не смог полюбить. И вот только сейчас что-то дрогнуло в его груди, и он стал думать о Бажене с таким же наслаждением и блаженством, с каким раньше мечтал о Ладомире.

«Но она сосватана за Изяслава, да еще я обещал ему оставить ее в покое, – вдруг подумал он, а потом махнул рукой: – А, будь что будет!»

Охота продолжалась еще несколько дней. Но Словен почти не принимал в ней участия. Он или уходил в лес и подолгу плутал в нем, или бродил по становищу, издали наблюдая за шатром, где остановились великий князь, его супруга и Бажена. Девушку он видел несколько раз и только издали. Она выходила из шатра, перекладывала вещи на телеге, что-то уносила; она ни на кого не обращала внимания и не видела, что он за ней наблюдает.

Конечно, он мог в любое время зайти к великому князю для деловой беседы, но он этого не хотел. Ему больше нравилось ходить в одиночку и томиться неизвестностью.

Как-то Словен шел по стойбищу, навстречу ему широко шагала Гудни. Он намеревался поздороваться и миновать ее, не вступая в разговор. Как были у них напряженные отношения, так и остались. Неприязнь была обоюдной, и никто из них не старался ее преодолеть.

Она уже прошла мимо, как вдруг остановилась и с усмешкой и даже ехидцей вдруг спросила:

– И кого же ты высматриваешь, Словен?

– С чего ты взяла, великая княгиня? – ответил он, старательно выговаривая ее звание. –

Мне никто не нужен.

– Так-то уж никто? Туману напускаешь, князь, надеешься, что никто не проведаст о твоих замыслах и помыслах.

– Не понимаю, о чем говоришь, великая княгиня.

– Ладно, ладно. Мне Бажена все рассказала.

– Что она тебе могла поведать?

– Завлек молоденькую девушку и делаешь вид, что ничего не случилось! Сохнет по тебе голубка, сон потеряла.

– Выдумки это все.

– Да нет, к сожалению, не выдумки. Поделиться ей больше не с кем, как только со мной.

Все как на духу мне и выложила. Что делать-то будешь?

– Что делать? Она же сосватана.

– Прогнала она Изяслава. Сказала, что видеть его не может. Что скажешь на это, князь?

Словен подумал, ответил:

– В гости позовешь? Видеть мне ее надо.

– Да куда деваться! Приходи.

– Спасибо и на этом.

– Не обессудь. Только как с Изяславом у тебя получится? Мужчина он вспыльчивый, несдержанный, необузданный, в гневе может дойти до беспамятства. Пришибет тебя где-нибудь, что тогда?

Словен свел губы в сторону в злой усмешке:

– Авось не успеет.

– Не боишься, значит?

Помолчали.

Гудни вдруг с головы до ног осмотрела Словена и проговорила насмешливо:

– И чего она в тебе нашла? Я бы тебя и близко к себе не подпустила! – и ушла, озорно покачивая широкими бедрами.

На другой день Словен пришел в великокняжеский шатер. Белое льняное полотнище пропускало внутрь мягкий солнечный свет, на полу лежали ковры, стоял невысокий походный столик и несколько табуреток. В противоположной от входа стороне за занавесом находилась широкая лежанка, по краям стояли сундуки, на одном из них бок о бок сидели Гудни и Бажена и вязали.

Бажена, увидев Словена, вспыхнула, встала и вновь села, уткнувшись в вязанье. Гудни весело ответила на приветствие князя и пригласила:

– Садись, князь, за стол. Сейчас распоряжусь об угощении.

– Спасибо, я сыт, – ответил Словен, присаживаясь на табуретку.

– Как же, гость, и без угощения? – Она приказала слугам накрывать на стол.

Из-за занавеса, протирая глаза, вышел Довбуш.

– Я тут вздремнул после обеда, сморило что-то, – проговорил он, подавая руку Словену и присаживаясь рядом с ним. – Какими судьбами? Дело какое-то ко мне привело?

– Да нет, зашел просто так.

– Это хорошо. Люблю с тобой поболтать. Не то что другие, ты всегда и по каждому поводу имеешь свое мнение, мне интересно слушать тебя. Как идет охота?

– Потихоньку, – неопределенно ответил Словен.

– Он тут охотится совсем на другую дичь, – встряла Гудни.

– А мы столько настреляли зверя, что, наверно, скоро забьем все ледники, и мяса нам хватит до осени.

Словен знал, что бодричи рыли длинные, постепенно углубляющиеся погребя, которые уходили в землю в три человеческих роста, там царил холод. Затем загружали его колотым льдом, и этот лед сохранялся там до первых морозов. Продукты лежали длительное время и не портились.

Слуги между тем поставили на стол вареное мясо, жареные грибы, клубнику и в кувшинах медовый квас.

Довбуш разговор перевел с охоты на перестройку в работе Боярской думы и повышение роли и значения вече, которое открывало новые возможности в расширении народовластия в стране. Великий князь говорил много и охотно, приводил примеры, сравнивал свое правление с другими великими князьями, подчеркивал свою приверженность заветам великого Русса, доказывал, что его преобразования усилят могущество и процветание Руссии.

Словен на этот раз слушал молча и не возражал. Отчасти потому, что и сам не был убежден в своих взглядах, считая, что действия Довбуша не укрепят великокняжескую власть, а, наоборот, ослабят ее, что в конечном итоге могло отразиться на судьбе всей страны.

Но главное, почему Словен плохо слушал Довбуша, было то, что его мысли были заняты Баженой. Он и сел так, чтобы краем глаза наблюдать за ней, как быстро и умело перебирает она пальчиками, как мелькают тонкие спицы, как струится нить; порой она дергала ее, и по полу катился серый клубок. Вот откуда-то выскочил белый котенок, стал гонять его, разматывая и запутывая нить. Бажена встала, шугнула котенка:

– Ах ты, негодный!

А сама украдкой глянула на него. Взгляд робкий, любящий, преданный, и от этого взгляда сладостное тепло разлилось в груди Словена. Посидев с часок, Словен стал прощаться с хозяевами.

– Ты заходи почаще, мне интересно с тобой беседовать, – приглашал его Довбуш. – Обсудим сегодняшнее положение в стране, наметим планы на будущее. Я ценю твои дельные советы.

И хотя Словен на сей раз не проронил ни слова, Довбуш остался доволен разговором с ним и проводил до выхода. «Если с ним молчать и давать возможность говорить, будешь при нем первым человеком!» – подумал Словен, выходя из шатра.

Следом за ним выскользнула Бажена.

Они не спеша пошли в лес, остановились под большим дубом. Солнце с трудом пробивалось сквозь густую листву, было тихо, даже птиц не было видно, одна желтоголовая овсянка прыгала между деревьями, выискивая червячков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.